

считать очень удачным потому, что он позволяет проследить дифференциацию общих и частных значений, отметить в отдельных случаях совместность приглагольных связей — сильных и слабых (с. 52—53), а главное — установить сходства и различия синтаксических потенций различных частей речи. В отличие от академической грамматики 1952 г. трактовке словосочетаний во втором томе «Русской грамматики» отведено сравнительно небольшое число страниц. Но все самое существенное, что характеризует этот раздел синтаксиса, дано так ярко и выразительно, что расширения этого раздела дополнительными примерами не требуется, тем более, что в известной мере положения и идеи, высказанные авторами в разделах о словосочетании, поддержаны материалом раздела «Синтаксис формы слова» (с. 422—460).

Центральное место в изложении синтаксиса занимает анализ простого предложения. В § 1890 формулируются те теоретические предпосылки, на которых основан дальнейший анализ синтаксических комплексов. Правильно отмечена сложность и взаимозависимость синтаксических единиц в реальности языковой коммуникации: «Минимальные единицы сообщения, которые вычлениваются из потока речи и могут быть рассмотрены как единицы синтаксические, в реальной языковой действительности существуют, таким образом, не изолированно друг от друга, а как части более сложного языкового комплекса, связанные внутри этого комплекса определенными отношениями друг с другом» (с. 83). В целях возможности лингвистического анализа и определения простого предложения вводится понятие структурной схемы предложения, с той оговоркой, что структурная схема предложения и построенные на ее основе предложения заключают в себе несколько иерархически организованных языковых значений (с. 85). Следовательно, понятие структурной схемы предложения, не обедняя семантического анализа, позволяет дать обобщенное определение простого предложения как высказывания, «...в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец. . . , специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения» (там же). В дальнейшем изложении все типы и виды такой относительно самостоятельной единицы сообщения подвергаются детальному се-

мантическому и структурному анализу. В одной рецензии невозможно дать разбор всех интересных положений и решений, предлагаемых авторами «Русской грамматики» в разделах, посвященных синтаксическому строению языка. Хотелось бы отметить, однако, два момента. Очень хорошо, что везде, где только это возможно, подробно освещается ипотоциальная сторона предложения, и, второе, что обращено достаточно внимания на порядок слов. Под влиянием распространенной идеи, согласно которой в языках флективного типа порядок слов, якобы, не столь уж важен, в описательных грамматиках русского языка перестали интересоваться этой важнейшей частью построения речевых образований. Отрадно видеть, что авторы «Русской грамматики» выделяют коммуникативную и структурно-семантическую роль порядка слов в языке.

Описание сложного предложения дано в книге с достаточной степенью полноты. Естественно, что синтаксические построения подобного рода тянут за собой отрезки речи большего объема, поэтому вопросы синтаксической организации текста (или некоторых отрезков текста), а также проблемы количественного порядка (объем предложения) были бы нелишними в части «Синтаксис», тем более, что в современной лингвистике уделяется много внимания вышеуказанным сторонам языковых образований.

Что же можно сказать в целом о «Русской грамматике»? В этом монументальном труде представлено полное и очень тщательное изложение богатства строевых и семантических возможностей русского языка. Обилие примеров и их анализ создают надежную основу для новых и интересных положений, высказанных ее авторами. Трудно было бы ожидать, чтобы все в подобном труде было «новаторским». Наоборот, использование богатого наследия русской лингвистической традиции и отдельных положений современной зарубежной лингвистики в сочетании с творческими идеями авторского коллектива служат залогом успеха «Русской грамматики» 1980 г. Критические замечания в нашей рецензии имеют дискуссионный характер. Каждый лингвист должен понимать всю трудность задачи, поставленной перед авторами «Русской грамматики», и все лингвисты должны быть им благодарны, что эту трудность они сумели преодолеть.

Ярцева В. И.

Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. (Нормативный аспект). — М.: Наука, 1980. 254 с.

Русская историческая лексикология отнюдь не бедна исследованиями, посвященными различным аспектам состава и функционирования лексики русского языка от древнейших времен до хронологических границ современности. Однако по мере того как развивается эта от-

расль языкознания, по мере того как предлагаются ответы и решения, возникают новые вопросы, вырисовываются новые проблемы. С особой очевидностью стали обнаруживаться эти новые вопросы и проблемы в связи с обострившимся интересом к генетическому и функциональ-

тому статусу современного русского литературного языка, к особенностям формирования и развития русского литературного языка древнейшего периода. Само собой разумеется, что проблемы системных связей в лексике представляются в этом аспекте особенно интересными и актуальными.

Материалом исследования Н. Г. Михайловской послужили: цикл памятников, посвященных св. Борису и Глебу, Повесть временных лет, Хроника Георгия Амартола и Пчела. Этот языковой материал достаточно объемлен (тем более с учетом списков), а главное — достаточно представительен как часть всего корпуса литературных текстов XI—XIV вв. Почерпнутые из названных памятников языковые факты вполне могут представлять наиболее типичные черты системных связей в лексике русского книжно-письменного языка рассматриваемой эпохи.

Исследование системных связей слов автор монографии осуществляет в пределах тематических и лексико-семантических групп, исходя из того, «что состав тематической группы определяется кругом обозначений реальных и действий, относящихся в основном к социально-производственной стороне жизни, а состав лексико-семантических групп зависит от связей их компонентов на уровне отношений их значений. Несколькими формализуя, можно сказать, что в первом случае исследователь идет от реалии к слову, а во втором — от слова к реалии, ибо изучение семантических отношений единиц дает представление о тождестве и различии обозначаемых ими явлений» (с. 126—127). В соответствии с распределением аспектов исследования лексики по двум названным группам книга Н. Г. Михайловской имеет две главы: I — «Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников» и II — «Семантические и стилистические связи компонентов в лексико-семантических группах». В работе имеются также Введение и Заключение, кроме того, предлагаются вводные замечания и выводы в каждой из двух глав.

Обращение к сложным и малоразработанным проблемам русской исторической лексикологии потребовало от Н. Г. Михайловской постановки и решения многочисленных частных задач.

В первой главе автор монографии стремится определить характер контекстов, содержащих вариантность, установить семантическую взаимосвязь внутри тематических групп, выявить идентичность вариантов по словообразовательным моделям, определить тождество и различие вариантов по грамматическим формам, охарактеризовать варианты по их локальной прикреплённости (обшечертажное — диалектное), определить семантические и стилистические отношения парных вариантов, установить соответствие древнерусских вариантов греческим параллелям (в контекстах из переводных памятников), определить, насколько варианты старорусских списков отвечают древнерусскому словоупотреблению, на основе привлечения работ по старославянской лексической вариантности

(Л. П. Жуковской, А. С. Львова, Е. М. Верещагина и др.) сопоставить лексическую вариантность в древнерусских памятниках с вариантностью в старославянских памятниках.

Во второй главе Н. Г. Михайловская выясняет, насколько велика семантическая общность членов одной группы и насколько существенно различия между ними, какие факторы определяли реализацию значения слова (сочетаемость, контекстуальная соотносимость с понятием близкими словами, антонимичность в пределах контекста, содержание контекста и др.), существовала ли зависимость (и какая именно) между значением слова и его грамматической (и отчасти словообразовательной) формой, какие факторы, определяющие семантику слова, являются особо важными для одного грамматического класса, а какие — для другого, какой характер имеет жанрово-стилистическая дифференциация между словами-компонентами, какова степень употребительности компонентов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе, с одной стороны, в языке оригинальных произведений, с другой — в языке переводных.

В краткой рецензии, конечно, нет возможности (да и нужды) рассматривать подробно, как репается каждая из поставленных задач в отдельности. Однако можно и должно сказать, что все названные задачи анализируются и репаются в книге, на все поставленные вопросы предлагаются аргументированные ответы, которые не вызывают принципиальных возражений.

Успешному решению поставленных Н. Г. Михайловской задач, несомненно, способствует правильный выбор исходных теоретических позиций. В частности, очень важно последовательное внимание к двум аспектам языка: аспекту системы (строю) и аспекту функционирования (употребления), «которые передко пересекаются и как бы, накладываясь один на другой...» (с. 12), но тем не менее не должны смешиваться и отождествляться. Особенно плодотворным для осуществления предпринятого Н. Г. Михайловской исследования оказывается постоянное внимание к функциональному аспекту лексики и столь же постоянное обращение к текстам и контекстам как явлениям языковой реальности, в которых единицы лексического яруса представлены не только в их «внутриязычных» парадигматических и синтагматических связях, но и в их отношениях к языковым единицам других ярусов, а также в их отношениях к соотносительным внеязыковым категориям. Совершенно правильно и принципиально важно суждение Н. Г. Михайловской, что «... в каждом тексте проявляются такие тенденции в языке, которые не существуют абстрактно, но находили свое выражение через практически претворенную речь людей далекого прошлого» (с. 124). Столь же важен для исследования и другой тезис: «В языке древнерусских памятников находили выражение не только мировоззренческие установки средневековья, но и реальные особенно

сти общественного устройства» (с. 244).

Монография Н. Г. Михайловской относится к числу таких исследований, в которых явственно заметен решительный поворот от описания состава древнерусской лексики к анализу семантических и стилистических связей внутри тех или иных лексических групп и к анализу особенностей отбора и организации словесного материала в тех или иных типах текстов. Ценность разрабатываемого Н. Г. Михайловской аспекта исторической лексикологии проявляется, в частности, в его очевидной связи с общими проблемами истории русского литературного языка, понимаемой как историческая стилистика. Анализ системных связей в лексике древнерусских памятников различных типов может дать несравненно больше для суждений об истоках древнерусского литературного языка и его жанрово-стилевой дифференциации, чем традиционный анализ состава лексики древнерусских текстов. Исследование Н. Г. Михайловской построено на материале памятников, которые должны представлять древнерусский литературный язык, так сказать, «в целом». Но разрабатываемый в книге аспект историко-лексикологических разрываний может быть отлично применен для сравнения языка различных групп древнерусских текстов и для сопоставления языка древнерусских и церковнославянских памятников. Таким образом, предлагаемая Н. Г. Михайловской методика исследования является весьма перспективной.

Из многих интересных и важных для истории русского языка выводов и наблюдений, содержащихся в рецензируемой работе, отметим два: 1) «Весьма показательным является тот факт, что лексическая вариантность представлена почти исключительно общелитературными словами, не имеющими локальных ограничений» (с. 113) и 2) «В сопоставлении с вариантностью, отраженной в языке старославянских памятников, вариантность в древнерусском языке отличается большим лексическим разнообразием, лишь отчасти совпадая с той, которой характеризуются списки евангельских текстов» (с. 123).

Как и всякий научный труд, работа Н. Г. Михайловской может вызвать некоторые замечания, главным образом дискуссионного порядка. Из замечаний общего плана сделаем одно. Выше отмечалось как положительное качество рецензируемой книги постоянное внимание ее автора не только к аспекту системы (строю), но и к аспекту функционирования (употребления) в лингвистических исследованиях. Однако Н. Г. Михайловская не всегда внимательна к тому, что в языковедческих размышлениях речь может идти об употреблении языковых единиц и об употреблении языка, что далеко не одно и то же (о необходимости строгого различения этих соотношений писал, в частности, В. А. Аврорин [1]). Последовательное разграничение указанных соотношений представляется не безразличным для проводимого в моно-

графии анализа тематических и лексико-семантических групп.

Другие замечания носят в основном частный характер. Хотя на с. 124 говорится о тех существенных ограничениях, которые накладывались на категорию индивидуальности в древнерусской литературе и древнерусском литературном языке, в монографии постоянно и без всяких оговорок говорится об индивидуальном словоупотреблении, стиле, индивидуальных чертах, индивидуальных языковых вкусах, индивидуальных языковых склонностях и т. п. Даже при самом нестрогом понимании индивидуальности вряд ли можно без серьезных доказательств толковать об «индивидуальности» языка древнерусских авторов или переводчиков.

Столь же свободно без всяких временных и функциональных ограничений, оперирует автор рецензируемой работы и термином «норма». Правда, это отражает господствующее в современной русистике представление, но все же: если норма была всегда и есть во всех разновидностях языка, то чем она отличается от узуса, с одной стороны, и от языковой системы — с другой?

На с. 235, обсуждая вопрос о том, определяет ли значение слова его сочетаемость, или, наоборот, сочетаемость первична по отношению к семантике, Н. Г. Михайловская «...присоединяется к тем исследователям, которые считают сочетаемость порождением семантики слова». А на с. 140 читаем: «У слова *земля* значение „народ, население“ зависит в основном от семантики глаголов, используемых в контексте...». Не следует ли из заявления на с. 235, что сочетаемость слова *земля* с теми или иными глаголами порождается семантикой этого слова?

На с. 244 говорится: «Сравнение количественных данных употребления компонентов лексико-семантических групп в языке переводных и оригинальных текстов говорит о том, что наибольшее лексическое разнообразие проявляется в языке переводных памятников...». Нет оснований ослабивать этот вывод, однако вызывает сомнение утверждение, что «этот факт, по всей видимости, объясняется тем, что переводчик в Древней Руси был более свободен в выборе языковых средств, чем непосредственный создатель оригинального текста». Вряд ли лексический состав тех или иных памятников определялся главным образом субъективными факторами. Надо полагать, решающее значение имели все же факторы объективные.

На с. 169 о слове *языкъ* говорится: «Значение „народ“ при его соотносительности с названием конкретной народности, национальности, племени сближается со значением „язык, наречие“». Приведенные примеры показывают, что слово *языкъ* в них не сближается со значением «средство общения, наречие», а просто имеет такое значение. Примеры подобных неточностей не единичны, но они, очевидно, в той или иной степени неизбежны в работах, подобных рецензируемой.

В целом монография Н. Г. Михайлов-

ской представляет собой серьезное, вполне завершенное в пределах поставленных проблем, написанное хорошим литературным языком, логичное по композиции научное исследование. Нет сомнения, что оно будет способствовать дальнейшей углубленной и новой по методике разработке проблем истории русского литературного языка старшего периода и русской исторической лексикологии, а также будет полезно для лексикографической работы. Наблюдения и выводы

Н. Г. Михайловской могут быть использованы и в практике вузовского преподавания истории русского языка.

Гершков А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., 1975, с. 29, 33.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Отв. ред. Тимофеев К. А. — Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Бурный рост фразеологии как самостоятельной дисциплины, характерный для последних трех десятилетий, привел к специализации аспектов исследования фразеологических единиц (ФЕ). Один из них — анализ диалектных ФЕ — приобретает сейчас особое значение потому, что он имеет широкий выход в проблематику историко-этимологического, сопоставительного и лингвострафического изучения фразеологии. До недавнего времени, однако, диалектная фразеология оставалась лингвистической «золушкой»: не случайно Б. А. Ларин избрал для своего основополагающего доклада на данную тему в 1959 г. афористичный эпитаф, характеризующий состояние исследований в данной области, — «Як би у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, — та жаль, що немає сала!» [1].

Трудами многих советских диалектологов положение сейчас значительно улучшилось. Изданы диалектные фразеологические словари [2, 3]¹, защищено около десяти кандидатских диссертаций по данной проблематике (Б. Ф. Захаров, М. В. Орел, Н. К. Нахотина, К. Н. Прокшова, Л. А. Бутарева и др.), написано более 300 статей². Монография А. И. Федорова, в которой обобщаются некоторые результаты этих трудов, является важной вехой в исследовании русской диалектной фразеологии. В четырех главах этой книги ставятся и во многом решаются важные проблемы теории и практики анализа диалектных ФЕ.

В первой главе рассматривается место фразеологии среди значимых единиц в русском языке и его диалектах. Роль слова и ФЕ в номинативном процессе, разграничение свободных сочетаний и

ФЕ в диалектах, отношение последних к другим типам устойчивых сочетаний — вот круг вопросов, которые получили здесь широкое освещение.

Вторая глава посвящена характерным признакам диалектной фразеологии. Упор делается на выявлении специфики фразеологического значения. Учет этой специфики служит основой для классификации ФЕ в зависимости от их функций в предложении.

В третьей главе анализируется сложная проблематика фразеологической вариативности и фразеологической синонимии. Автор полемически решает проблему синонимии вообще и фразеологической синонимии в частности, определяет свое понятие «диалектная фразеологическая синонимия», выявляет синонимические отношения диалектных и общерусских фразеологизмов и касается некоторых вопросов определения и классификации фразеологических вариантов.

Четвертая глава содержит ценные наблюдения о процессах становления сибирской диалектной фразеологии, о ее употреблении и архаизации. А. И. Федоров особо останавливается на фразеологизации речевых метафор, сравнительных конструкций и тавтологических словосочетаниях. В нескольких словах им оценивается и современное состояние диалектной фразеологии. В заключении подводятся итоги конкретного анализа. Ценным источником для будущего исследования фразеологии и паремологии Сибири является Приложение (с. 177—189) — словарь сибирских пословиц и поговорок, записанных автором в 1963—1977 гг. в диалектологических экспедициях.

Опытный диалектолог и фразеолог, А. И. Федоров справедливо подчеркивает принципиальное различие между функционированием региональной лексики и региональной фразеологии уже на первом, «собираательском» этапе. Если диалектная лексика фиксируется легко, «массированно», то диалектная фразеология употребляется в особых ситуациях речевого общения и потому ее фиксация требует особой подготовки и особого искусства.

Не меньшие трудности характерны для описания и интерпретации зафик-

¹ Материалы для региональных словарей ФЕ содержатся также в книге [4] и др.

² Во Введении к рецензируемой монографии А. И. Федоров, правда, пишет, что «из семи тысяч статей и монографий по фразеологии диалектной фразеологии посвящено лишь около двадцати работ» (с. 3). Эта статистика — видимая опечатка, ибо лишь перу самого А. И. Федорова принадлежит более 20 публикаций по русской диалектной фразеологии.